

Однако знакомство с людьми тоже имеет свои тонкости. Учителя, как правило, обладают долей интеллектуальной гордости, заложенной в их натуре. Если ты постоянно прогуливаешь занятия и при этом пытаешься навязчиво сблизиться, это лишь поверхностные отношения, и учителя не будут испытывать к тебе особой симпатии.

В те времена учителя были более искренними. Хотя они и ценили успеваемость, больше всего любили тех учеников, которые от природы были усердными и целеустремлёнными.

У Ши Вэя сейчас было много тетрадей, причём для каждого урока он использовал отдельную. Он не только внимательно слушал лекции и активно поднимал руку, чтобы отвечать на вопросы, но и изо всех сил старался находить поводы для общения с учителями, чтобы сблизиться с ними.

Учёба давалась Ши Вэю с трудом, но молодой ум справлялся быстро, и, несмотря на напряжение, он успевал.

— Это твоя собака?

Ши Вэй после обеда специально оставил в коробке немного крошек от булочек, смешал их с кипятком и превратил в кашу. Этим он кормил щенков последние несколько дней. Хотя это и не сравнится с молоком, оба щенка ели с жадностью, стараясь выжить.

Ши Вэй кивнул:

— Красивые, правда? Хотя они ещё маленькие, но когда вырастут, смогут охранять дом.

— Если хочешь собаку для охраны, лучше взять служебную. Эти два щенка выглядят болезненными, вряд ли выживут. — Лу Юаньчжи, вспомнив, что Ши Вэй помогал ему, предложил:

— Я могу найти тебе щенков служебных собак, они уже обучены.

Намерения Лу Юаньчжи были добрыми, но он не имел опыта в общении с людьми, и его слова звучали немного резко.

Ши Вэй уже привык к его манере говорить, иначе мог бы подумать, что Лу Юаньчжи хвастается своим положением или издевается над ним.

Ши Вэй улыбнулся:

— Спасибо, но не надо. Эти щенки мне симпатичны, они выглядят крепкими, может, и выживут. А служебные собаки заслуживают большего, чем просто быть со мной.

Щенки, словно почувствовав, что Лу Юаньчжи хочет от них избавиться, стали есть кашу ещё усерднее. Ши Вэй гладил их мягкую, но короткую шерсть, и его тёплые прикосновения успокаивали щенков, которые начали урчать от удовольствия.

Лу Юаньчжи, немного расстроенный отказом, нахмурился. Он помолчал, а затем сказал:

— Тогда завтра я приглашаю тебя и наших соседей по комнате на обед.

Он старался сохранять холодное выражение лица, но в его глазах читались смущение и неловкость.

Сегодня было пятнадцатое августа, праздник середины осени, но атмосфера праздника была слабой, особенно среди бедных студентов, у которых не было денег даже на покупку лунных пряников. К тому же в те времена активно боролись с пережитками феодализма, и мало кто помнил о празднике.

Однако Ши Вэй помнил это ясно. В прошлой жизни на следующий день после праздника, шестнадцатого августа, Лу Юаньчжи пригласил их на обед.

Тот обед, который был неожиданным и прошёл уже после обычного времени, задел их юношескую гордость. Они не только не приняли приглашение, но и чуть не поссорились с Лу Юаньчжи.

В прошлой жизни Ши Вэй не понимал, зачем Лу Юаньчжи это сделал, но позже, изучив его биографию, он вспомнил, что шестнадцатое августа было днём рождения Лу Юаньчжи.

У Лу Юаньчжи не было близких родственников. Родственники со стороны матери все умерли, а со стороны отца, кроме дедушки Лу и бабушки Лу, остальные только и делали, что ссорились.

В этот день дедушка Лу был болен и лежал в больнице, а бабушка Лу, беспокоясь о нём, осталась с ним. Таким образом, у Лу Юаньчжи не осталось никого, кто мог бы отметить с ним праздник.

Мысли Ши Вэя на мгновение унеслись в прошлое, но он быстро вернулся к реальности, улыбнулся Лу Юаньчжи и сказал:

— Ты угощаешь? Тогда я не буду скромничать. Я скажу Линь Фэну и остальным, завтра мы опустошим все тарелки.

Лу Юаньчжи явно облегчённо вздохнул. Он посмотрел на улыбку Ши Вэя и, почему-то, не смог смотреть ему в глаза, опустив голову и пробормотав:

— Тарелки же нельзя есть.

— Тогда ты сэкономишь время на мытьё посуды.

Лу Юаньчжи что-то невнятно пробормотал и поспешно забрался в кровать, чтобы лечь спать. Кровать была застлана толстым мягким одеялом, и, как только он лёг, его лицо почти утонуло в нём.

С детской непосредственностью он натянул на себя тонкое одеяло, закрыв и вторую половину лица. Напряжение, вызванное приглашением и получением положительного ответа, прошло, но на смену ему пришли смущение и неловкость. Эти чувства охватили его, и он не мог понять, почему он так себя чувствует, ведь Ши Вэй ничего не сделал, а даже согласился на его просьбу.

Однако Лу Юаньчжи также почувствовал некоторую гордость. Ведь пригласить кого-то на день рождения — это же просто, совсем не так сложно, как смеялся его дедушка!

Характер Лу Юаньчжи был своенравным и замкнутым, он редко считался с чужими чувствами. Однако его резкость обычно была направлена на тех, кто навязчиво пытался сблизиться с ним, будь то «дальние родственники» или те, кто притворялся доброжелательными.

Его характер действительно был не из лучших, но он никогда не обижал людей без причины.

Он просто ходил с холодным выражением лица, а когда выходил на улицу, то его лицо озарялось странной улыбкой, что породило слухи о том, что у Лу Юаньчжи есть психические проблемы и он любит драться, особенно до крови.

Ши Вэй и его друзья в прошлой жизни верили этим слухам, особенно после того, как Бай Ифан, мать Лу Юаньчжи, с беспокойством попросила их позаботиться о нём. Бай Ифан не сказала ни одного плохого слова о Лу Юаньчжи, не навязывала им мнения о его плохом характере, но именно её молчание заставило их поверить слухам. Её забота казалась искренней, но в то же время направляла их на то, чтобы поверить в эти сплетни.

В то время Ши Вэй и его друзья были слишком наивны, группой книжных червей из бедных регионов, которых легко было сбить с толку.

Характер Лу Юаньчжи действительно был не самым приятным. Он однажды ударил своего дядю по голове, и тот попал в больницу с кровоточащей раной. Но слухи, которые распространялись, только укрепляли мнение, что «если он даже своего дядю мог так избить, то что уж говорить о простом однокласснике».

Ши Вэй должен был признать, что сейчас он смотрит на Лу Юаньчжи через призму. В прошлой жизни из-за чувства вины и раскаяния он начал воспринимать Лу Юаньчжи с огромной долей идеализации.

Но Ши Вэй также прошёл через множество испытаний в бизнесе, сталкивался с обманом и ловушками. После того как он попал впросак, он научился снимать эту призму и смотреть на людей объективно.

Характер Лу Юаньчжи был не из лучших, но он редко выплёскивал свой гнев на других. Он не только не срывался на людей, но даже не повышал голос.

Возможно, из-за слухов вокруг него почти не было друзей, и он всегда оставался один, даже когда дрался на улице.

Ши Вэй стало неприятно, когда он услышал, как группа людей обсуждает Лу Юаньчжи, и он не собирався оставлять это без внимания. Он нахмурился и громко сказал:

— Товарищ, повтори, пожалуйста, то, что ты только что сказал.

Характер Ши Вэй был спокойным, он давно научился контролировать свои эмоции. Он был как машина, способная мгновенно менять выражение лица в зависимости от ситуации.

— Зачем тебе повторять? Ты что, думаешь, что Лу Юаньчжи твоя опора? Думаешь, он тебя ценит? Давай, пусть он за тебя заступится! — Чэнь Сюйлинь, который только что обсуждал Лу Юаньчжи за его спиной, немного испугался, но, увидев, что это Ши Вэй, успокоился и смотрел на него с презрением и вызовом.

<http://bllate.org/book/16388/1484090>